

Карлсон — нехороший человек.

Это высказывание, пожалуй, прозвучало бы слишком мягко.

По законам здешних рудников «скверность» — это норма, глухой стук хлыста о спину, жгучая боль от голода, скручивающего желудок, и непрекращающийся труд, превращающий человека в дышащий камень. Всё это — воздух, которым дышат рабы.

Но Карлсон был другим.

Помимо своей скверности, в нем таилось еще кое-что.

Капелька... удовольствия.

Ему нравилось смотреть, как рабы дрожат перед ним, словно ребенок, примостившийся на корточках у земли и наблюдающий за муравьями, мечущимися в огненном кольце.

Карлсон любил видеть в глазах рабов то самое выражение — когда человек заведомо знает, что побега нет, что мольбы бесполезны, и всё же не может удержаться от того, чтобы не начать умолять о пощаде.

Он называл это «вкусом человеческой природы».

Порой Карлсон нарочно заносил кнут высоко над головой и долго не опускал, просто наблюдая, как лицо внизу постепенно искажается, медленно рассыпаясь в пыль.

— Еще разок.

Карлсон обычно улыбался и приговаривал: — Только что бывшее выражение лица, пожалуйста, повторите.

Таков был Карлсон по прозвищу Железная Рука.

Десять лет он прослужил старшим надсмотрщиком на этом руднике, и сколько крови было на его руках, он и сам уже не помнил. Но он никогда не считал себя жестоким — жестокими были те, кто приводил приговоры в исполнение.

Ему просто... нравилось смотреть.

Что же до Железной Руки... конечно, это была не его настоящая фамилия. Говаривали — лишь говаривали, — что его матерью была уличная девка низшего пошиба, так что происхождение

Карлсона, само собой, оказалось не из тех, чему рады.

Имени отца он не знал, да и фамилию, судя по всему, менял не раз, пока под конец не присвоил себе ту, что звучала более грозно и сурово.

Каждый месяц Карлсон утаивал из рабской нормы несколько мешков руды, записывая пропажу на счет какого-нибудь погибшего бедолаги.

Те несчастные уже ничего не могли сказать, не смели возразить и не поднялись бы из погребального костра за справедливостью.

Если кто-то из рабов случайно выкапывал нечто ценное — кусок руды отменного качества или, если улыбалась удача, оброненный кем-то драгоценный осколок, — эта вещь никогда не доживала до конца дня.

Карлсон с улыбкой принимал находку, а затем ставил галочку напротив имени этого человека в учетной книге.

— Отличная работа.

Голос его звучал так мягко, будто он баюкал ребенка: — В этом месяце получишь на полпайка больше.

Половина буханки черного хлеба.

Заплесневелой, твердой настолько, что можно было сломать зубы, но все же ее еще никто и никогда не получал.

А те, кто «не показывал отличной работы», — кнута Карлсон никогда не жалел.

Но плеть была лишь разминкой, а истинным наказанием служила «добровольная разведка».

Гора Хэйлун.

Зверь, изрыгающий золото.

Место, откуда отправлялись в путь без возвращения.

Избранные падали перед ним на колени, порой плача, иногда мочась в штаны, а порой хватая его за ноги и называя хозяином или господином.

Карлсон стоял неподвижно, глядя на них сверху вниз, с чуть приподнятыми уголками губ.

Когда они выплакивались, обмочившись и накричавшись вдоволь, Карлсон легко высвобождал ногу.

— Ну полно вам.

Говорил он: — Ведь вы сами вызвались, верно?

Когда он улыбался, глаза превращались в щелочки, и лицо его казалось едва ли не добродушным.

Именно поэтому, когда Поль стоял на опушке леса и вглядывался вдаль, где виднелись низкие лачуги рудника, он знал, что не может заявиться к Карлсону напрямую.

Он слишком хорошо знал этого человека.

За более чем двадцать лет жизни в роли Раба-Хворостинки он повидал немало людей, которых Карлсон с улыбкой отправлял в погребальный костер.

Эти несчастные тоже думали, что отыскиали нечто ценное, надеялись выменять это на сытный обед и, сжимая в дрожащих руках руду, самоцветы или случайные самородки золота, точно так же падали на колени перед этим улыбчивым толстяком...

А после уже никогда не возвращались назад.

Если бы Поль сейчас явился к Карлсону, сжимая в руке самородок размером с кулак...

Этот старый пес сперва замер бы, а затем его глаза вспыхнули.

После чего улыбка Карлсона стала бы приветливее некуда.

— Молодчина, Отавис.

В его голосе зазвучало бы ровно столько удивления, сколько требовалось: — И впрямь старый Раб-Хворостинка, есть в тебе стержень, раз решился сунуться на Гору Хэйлун. Ну-ка, ну-ка, покажи...

Он протянул бы руку за золотом.

Рука Карлсона слегка дрогнула бы — пораженная тяжестью находки.

Он стал бы шурясь рассматривать добычу, вертя ее так и эдак, а пальцы скользили бы по поверхности самородка, словно по шкуре живого зверя.

Затем он поднял бы взгляд.

Это золото...

Голос его оставался все таким же ласковым: — Ты ведь стянул его на руднике, верно?

Не вопрос — утверждение.

Кража — смертная казнь для Раба-Хворостинки.

Карлсон на глазах у всех с показным сожалением объявил бы этот «факт».

Окружающие надсмотрщики закивали бы, поддакивая и глядя на Поля взглядами, предназначенными для покойников.

После чего золото досталось бы Карлсону, а Поль — погребальному костру.

Чисто и аккуратно, без лишних хлопот.

Таков был Карлсон по прозвищу Железная Рука.

Вот уже десять лет на рудниках не было никого, кто умел бы «разбираться с делами» лучше него.

Потому Поль и не вернулся.

Он обошел самый дальний дозорный пост рудника и углубился в чащу, подступающую вплотную к горной дороге.

Лес был небольшим, с редкими соснами и порослью дикой травы по колено — укрыться здесь мог лишь тот, кто не шевелился.

Он ждал.

Стоя за самым крупным валуном на краю рощи, он отчетливо видел две вещи.

Первую — единственную дорогу, ведущую за пределы рудника.

Грунтовая дорога вся в рытвинах и ухабах, по обеим сторонам которой громоздились отвалы пустой породы, а чуть дальше расстилалась серая пустошь, уходящая к самому горизонту.

Если кто-то направлялся сюда извне, ему непременно пришлось бы ехать по этому пути.

Вторую — собственный барак.

Низкий, продуваемый всеми ветрами, но все же бывший уголком тепла, где он, Лэанна и двое детей теснились последние три года.

Отсюда барак казался не больше ладони, а ветхий кусок войлока, прижатый к крыше камнями, трепыхался на ветру, словно дыхание умирающего существа.

Поль долго смотрел на эту хижину.

Он заметил, как из дверей вышел чей-то силуэт.

Маленький, худенький, он постоял на пороге с мгновение, словно чего-то выжидая или кого-то разыскивая, пока другой взрослый не увлек его обратно внутрь.

Лорен, его свет, его сын.

Поль сжал кулаки еще крепче, впившись ногтями в ладони до резкой боли.

Ждал он вовсе не случайного прохожего, а рыцаря Рейнарда.

Того самого рыцаря, который швырял еду Лорену и Эльзе, рыцаря в сияющих доспехах на сером коне, чужака в этом мире, который, впрочем, изредка ступал на его землю.

Поль видел его много раз, но больше всего ему запомнились два случая.

Первый произошел три года назад.

Рыцарь ехал по той самой грунтовой дороге, неторопливо покачиваясь в седле, будто никуда не спешил.

Солнце отражалось в его доспехах так ярко, что резало глаза.

Поль стоял у края карьера и издалека провожал взглядом проезжающего мимо человека, испытывая странное чувство — будто орел пролетел над стаей цыплят.

Не потому, что орел красовался, а потому, что цыплята и сами прекрасно знали, кто они есть.

Второй раз случился год назад.

Рыцарь возвращался после выполнения какого-то поручения, все так же верхом на своем сером жеребце.

Какой-то ребенок из рабов выскочил к самой дороге — он был слишком мал и еще не знал здешних порядков, не понимал, что означают хлысты и цепи, — и протянул руку, чтобы ухватить коня за хвост. Сердце Поля подпрыгнуло к самому горлу.

Но рыцарь натянул поводья.

Он долго смотрел сверху вниз на малыша, а затем достал из седельной сумы два куска вяленого мяса и бросил на землю.

— Убирайся.

Голос его не был злым, но ребенок, словно получив невидимый толчок, испуганно отшатнулся на два шага назад, после чего подхватил мясо и бросился наутек.

Поль не мог бы объяснить, что таилось во взгляде незнакомца.

Это была не жалость — жалея, человек задерживает на тебе взгляд подольше. И не презрение — презрение слишком лениво, чтобы бросать подачки.

В этом взгляде читалось... словно он смотрит на камень, на дерево, на облако, проплывающее мимо.

Существуешь ты или нет — для него никакой разницы.

И все же он бросил тот сверток с едой.

Вот кого ждал Поль, хотя и не был уверен, дождется ли.

Тот рыцарь приезжал каждый месяц по делам сэра Варелы — поговаривали, будто с депешами, с конвоем или же инспектируя владения своего господина по чьему-то поручению.

Но толком никто ничего не знал. Иногда в начале месяца, иногда в середине, а порой и под конец.

Никакой определенности, никакого расписания.

Поэтому Полю оставалось только ждать.

День первый.

Поль проглотил ту самую последнюю половинку черного хлеба.

Он жевал медленно, тщательно, превращая каждую сухую крошку в кашицу во рту, чтобы затем понемногу сглатывать ее.

Воды в фляге оставалось ровно половина; сделав пару глотков, он спрятал ее обратно за пазуху.

Солнце поднялось и покатилося к закату.

На грунтовой дороге было пусто.

Ночь выдалась на редкость холодной.

В роще негде было укрыться от ветра, и он свернулся калачиком у большого валуна, проведя всю ночь без сна, с закрытыми глазами.

Заснуть не удавалось.

Стоило Полю хоть немного забыться, как холод пронзал его до дрожи, он открывал глаза и уставился на ночные звезды.

Звезды сияли холодным ледяным блеском, и когда дрожь становилась совсем невыносимой, он снова пытался задремать.

День второй.

Вода почти кончилась, хлеб тоже подошел к концу.

Поль обшарил всю округу в глубине леса и нашел несколько кустиков дикой лебеды.

Листья у нее были жухлыми, на вкус — горькими и вяжущими, но они хотя бы давали немного влаги.

Он отыскал под сгнившей корой деревьев несколько белых червей — толщиной с большой палец, мягких, извивающихся прямо в ладони.

Поль долго смотрел на них.

Затем зажмурился, закинул их в рот, пару раз качнул челюстями и проглотил.

Волна тошноты мгновенно подступила к горлу, но... Поль не смел вырвать.

Стоило его стошнить, как он лишился бы последних сил.

<http://bllate.org/book/19072/1873299>